

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
У12

Loreth Anne White
THE DROWNED GIRLS

Copyright © 2017 by Cheakamus House Publishing, Inc.

This edition is made possible under a license arrangement
originating with Amazon Publishing,
www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency

Перевод с английского *О. Мышаковой*
Художественное оформление *С. Власова*

Уайт, Лорет Энн.
У12 Утонувшие девушки / Лорет Энн Уайт. — Мо-
сква : Эксмо, 2019. — 544 с.

ISBN 978-5-04-100618-1

На старинном кладбище найдена девушка, которую преступник оставил умирать у ног статуи Девы Марии. Одновременно из городского канала выловили замотанное в пленку неопознанное тело. На лбу обеих жертв вырезано распятие.

К делу приступает молодой детектив Энджи Палорино, но она берется за него с опаской. Мало того что после начала расследования Энджи стала слышать жуткие голоса в голове, так еще и новый сотрудник Джеймс, с которым она вынуждена работать в паре, оказался ей знаком по совершенно иному поводу...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Мышакова О., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-100618-1

*Посвящается Марлин —
спасибо, что ты вдохнула жизнь
в Викторию Энджи
и была непревзойденной
читательницей романа.*

Книга является художественным произведением.
Все имена, персонажи, места и события,
описанные в романе, являются вымышленными
либо использованы условно.

Неизвестная

Зеркало, зеркало на стене,
Кто отражается в тебе?

День первый

Все мы лжем.

Все мы храним секреты — порой зловещие, а порой настолько мрачные и позорные, что поспешно отводим глаза от своего отражения в зеркале.

Пряча неприглядную истину в подвале души, мы старательно наводим внешний глянец, кроим себе парадную историю, словно желая сказать — смотрите, вот я какая. Мы постим в социальных сетях — поглядите, вот я обедаю в модном ресторане с лучшими подругами, а вот я в сексапильных шпильках, а вот мой умильный шенок, а вот мой крутой бойфренд, а вот какая у меня красивая задница в бикини. Смотрите на мою сказочную, идеальную жизнь, смотрите, как я напиваюсь на вечеринке и грудь у меня выпирает из блестящего топики. А какие красавцы за мной увиваются — смотрите и завидуйте!

А потом проверяем, сколько людей лайкнули эту фальшивку, и наше настроение зависит от числа лайков, комментариев и тех, кто оставил комментарии.

Но тьма упорно просачивается сквозь щели. Она ищет свет.

8 ЛОРЕТ ЭНН УАЙТ

И рано или поздно бравада начинает захлебываться, пуская пузыри, или же конец наступает жестоко и сразу, и уродливая правда, так разборчиво написанная на тебе, хорошо читается в беспощадно-резком флуоресцентном свете. И уже ничего нельзя сделать, разве что скрыть ее от копов, занятых расследованием.

Я на больничной койке.

Я слышу писк и шипение приборов.

Они помогают мне дышать, поддерживают во мне жизнь. Я слышу перешептывание медсестер и разговор двух детективов, но не могу ответить. Я не могу двинуться и ничего не чувствую. Я не в состоянии рассказать, что произошло. Я не умерла, я пока еще жива, но меня словно куда-то уносит на серебрястых нитях.

Входит врач и вполголоса спорит о чем-то с копами. До меня долетают обрывки фраз:

— Изнасилование... изъятие образцов для биологической экспертизы... политика больницы... врачебная этика... информированное согласие в отсутствие ближайших родственников...

До меня доходит — они не знают, кто я. Они не нашли мою маму.

Мама, мамочка, прости, я так виновата перед тобой! Вот уж кого я не хотела втягивать... А теперь все выйдет наружу. Я очень хочу оградить тебя от позора и боли, но они должны знать, что произошло. Пусть вытащат на свет все, от начала до конца, и найдут того, кто это сделал, чтобы успеть спасти других, особенно Лару.

Он сказал, Лара следующая. Он хочет нас всех. Нужно предупредить Лару...

На мгновение я куда-то проваливаюсь, но вскоре снова слышу приборы, всасывающие воздух и изда-

ющие ровный писк. Похоже, Рождество мне уже не встретить. Я думаю о маленькой елочке у нас дома и гадаю, найдет ли мама подарок, который я для нее купила. Он в моей комнате под кроватью. Я так хотела увидеть ее глаза, когда она откроет коробку...

Сперва они выяснят, что я, как обычно, ушла на работу — по субботам я работаю в ночную смену в кафе-пекарне «Синий барсук», в западной части города. По воскресеньям в «Барсуке» всегда наплыв народа — в выходные там очередь в любую погоду. Одна из самых популярных бранч-точек Виктории стремительно превращается в кулинарную Мекку: в «Синем барсуке» хлеб, выпечка и даже бекон своего производства.

Раба привычки, я всегда сажусь на автобус в восемнадцать ноль семь из Фэрфилда. Маршрут проходит через весь город. Через синий железный мост мы попадаем в район, где разномастные верфи понемногу сдаются под натиском модной джентрификации. Голубая мечта определенного слоя населения: построенные под занавес двадцатого века разноцветные кубики-кондоминиумы свободной планировки (с разрешением держать домашних животных), с видом на залив и внутреннюю гавань, окруженные велосипедными и беговыми дорожками, дощатыми мостками и лодочными станциями, где к вашим услугам весельные лодки, байдарки и доски для серфинга.

Но до пекарни я так и не доехала. Уже дней семь меня не покидало ощущение, что за мной следят. Новый пассажир в автобусе показался смутно знакомым. С другой стороны, Виктория — город маленький, здесь все в шести рукопожатиях друг от друга. Должно быть, где-нибудь на улице видела. На незнакомце была темная шерстяная шапка, воротник куртки поднят от резкого декабрьского ветра.

10 ЛОРЕТ ЭНН УАЙТ

Оказалось, это был он. Следил за мной, изучал повадки своей добычи, ездил на этом же автобусе. Расставлял силки. И нашел слабое звено — темный короткий переулок, где я обычно срезала путь.

Я пытаюсь расставить события в хронологическом порядке. Воспоминания больно ранят, как осколки разбитого зеркала.

На город опускалась холодная ночь с пронизывающим ветром и густым туманом.

Начинался снег.

Глава 1

Нет праведного ни одного.

Послание к Римлянам, 3:10

Воскресенье, 9 декабря

Энджи Паллорино смотрела на огромные, от пола до потолка, окна, занимавшие целую стену родительской гостиной. Ухоженный газон плавно спускался к галечному пляжу, где в небольшом ангаре отец держал свою яхту, причал выдавался далеко в воды пролива Аро. Но уже стемнело, и в темном стекле Энджи видела не пляж, а свое искаженное отражение и белые гребешки волн на чернильно-черной, рябой от ветра воде.

Посередине пролива проходит американско-канадская граница, и при дневном свете на горизонте в голубой дымке можно различить горы острова Сан-Хуан. А в ясный день за ними на фоне неба четко проступает белоснежный вулкан Бейкер.

Сегодня холодно — декабрь на острове выдался на редкость промозглый. Последние девять дней Викторию держал в своих объятиях арктический фронт, отчего небо было чистым и прозрачным, а температура стояла ниже нуля, но сегодня подошел влажный тихоокеанский циклон, и влага, столкнувшись с минусовыми температурами, выпадала сейчас в виде снега.

12 ЛОРЕТ ЭНН УАЙТ

Снежные хлопья с крохотными льдинками липли на стекла.

Энджи ненавидела снег — точнее, запах снега, в нем ей чудился отчетливый металлический оттенок, от которого переворачивалось все внутри. Она не могла объяснить своих ощущений, но стоило начаться снегопаду, как ее охватывало сосущее беспокойство, а под Рождество она вообще не находила себе места. Энджи зябко потеряла предплечья, в тысячный раз вспомнив душный июльский вечер, когда ей не удалось стабилизировать раненого ребенка, а ее ослиное упрямство оживить безнадежную девочку, возможно, стоило жизни ее напарнику.

Трехлетняя Тиффи Беннет умерла у нее на руках, а напарник Энджи, детектив Хашовски по прозвищу Хаш, получивший пулю в горло, истек кровью и скончался до приезда «Скорой». Папаша Тиффи, стоя над телом убитой им жены, приставил пистолет к виску и вышиб себе мозги. Он насильовал малышку чуть ли не с самого рождения, и судебный запрет приближаться к бывшей жене и дочери не защитил Тиффи и ее мать.

Энджи теперь часто думала, что разница между адом и раем кроется в людях. Порой, как ни старайся, ничего не изменишь.

— У тебя усталый вид, — сказал отец, неслышно подойдя сзади.

Энджи сразу выпрямилась и обернулась.

— Сколько новых морщинок у глаз, — продолжил он. — Ты хоть замечаешь, как на тебе сказывается эта работа?

— Знаешь, пап, ты сегодня тоже не Аполлон. Давай сюда, что у тебя там... — Энджи взяла у отца коробку и поставила ее у двери: он собрал вещи матери, которые, по его мнению, могли пригодиться дочери. Утром

они отвезли Мириам Паллорино в психиатрическую лечебницу и целый день разбирались в ее кабинете и шкафах. Дом теперь казался пустым и огромным.

— Почему ты не уволишься, Энджи? Особенно после...

— После того, как я не спасла маленького ребенка и своего напарника?

— Ну или хотя бы не перейдешь в другой отдел? Иметь дело с сексуальными извращенцами, постоянно сталкиваться с гнуснейшими подонками... Ты очень изменилась.

В груди у Энджи точно раздули тлевшие угли, и в ней пробудилось желание крушить. В последнее время она выходила из себя при малейшей провокации, но очень жестко контролировала эмоции, сохраняя внешнюю невозмутимость и отстраненность. Энджи некоторое время смотрела на отца в просторном свитере с кожаными заплатами на локтях, любовалась густой седеющей папиной гривой, когда-то черной как смоль. В камине потрескивали горящие поленья, кругом — книжные шкафы с ценными фолиантами, на стенах — подлинники известных мастеров, словом, жизнь с привилегиями. Доктор Джозеф Паллорино, профессор антропологии в Университете Виктории, родился в семье итальянского эмигранта, сколотившего капитал в горнодобывающей индустрии, и на блюдечке получил возможность выбрать научную карьеру по собственному вкусу. Родители всегда жили на широкую ногу, но Энджи это было и оставалось чуждо.

— Я имею дело с жертвами, — тихо поправила она. — С выжившими. С ни в чем не повинными женщинами и детьми, на которых обрушилось незаслуженное несчастье. Я сажаю негодяев, — говоря это, она смотрела отцу в глаза, — и хорошо знаю свое дело,

папа. Я хороший детектив. Благодаря моей работе мир становится чище.

— Неужели?

— Да. — Она перевела взгляд на рождественскую елку с золотым ангелочком наверху, увитую гирляндой, и невольно передернулась. — Иногда.

— Мать так надеялась, что ты это перерастешь. Она думала, что ты пошла в полицию из подросткового бунта.

Энджи гневно уставилась на отца:

— И ты тоже надеялся, что я получу свою порцию пинков, остыну и вернусь в прелестный викторианский особнячок с белым штaketником и нарциссами в палисаднике?

— Энджи, у тебя университетский диплом психолога, ты была лучшей на курсе! Ты еще можешь сделать научную карьеру... — Смутившись под яростным взглядом дочери, Джозеф Паллорино кашлянул, сунул руки в карманы и вздохнул: — Мы хотим для тебя только счастья.

— Давай оставим этот разговор, сейчас не время и не место. Закажу-ка я пиццу — поедим, а потом я поеду. — Говоря это, Энджи ушла в кухню, к телефону на стене. Она взяла два выходных. Завтра они с отцом закончат перестановку и разберут вещи, а потом съездят к матери убедиться, что с ней все в порядке. — Тебе с анчоусами?

Затая с ужином оказалась неудачной — без привычного хлопотливого присутствия Мириам Паллорино они с отцом ели в неловком молчании, погруженные в свои мысли. Снаружи ветер выл так, что ветки стучали по крыше. Энджи думала о палате, запирающейся снаружи, в которой они утром оставили мать, о санитарях в белых халатах, о недоумении и страхе в глазах Мириам.

Энджи взяла бокал с соком, отпила и откашлялась:
— Слушай, пап, а когда ты понял, что с ней не все в порядке?

Отец отозвался, не поднимая глаз:

— Довольно давно.

— В каком возрасте у нее впервые появились симптомы?

Он пожал плечами, отковыривая с пиццы кружок маслины.

— Шизофрения — это же наследственное заболевание, — продолжала Энджи. — Она поражает менее одного процента населения, но если болен один из родителей, вероятность возрастает до десяти процентов... — Она ожидала ответа, но отец молчал. — Поэтому я и спрашиваю, когда ты впервые что-то заметил и почувял неладное...

Отец отодвинул маслину на край тарелки.

— Папа!

Джозеф Паллорино вытер рот и аккуратно свернул белую льняную салфетку так, чтобы пятна от оранжевого сыра и томатной пасты оказались внутри, после чего задвинул салфетку под край тарелки.

— Она уже давно принимает лекарства, Энджи, чтобы болезнь не прогрессировала. Первые галлюцинации начались лет в тридцать пять. — Он поднял голову. — Сперва мы списывали все на пережитый стресс после той аварии в Италии. — Он долго молчал. Огонь в камине постепенно угасал, лишь изредка выбрасывая желтый язычок. — Образы, звуки, запахи могут вызывать яркие воспоминания, которые можно принять за психотические галлюцинации. Отрешенность, апатия, замкнутость, вялость — врач говорил, это признаки посттравматического стрессового расстройства. — Отец выглядел подавленным, будто кости его большого ске-